

Гу Шаобай словно очнулся от растерянности. Он выбрался из объятий, переместился к изголовью кровати и оперся на мягкую подушку. По мере того как боль в груди отступала, словно прилив, в его взгляде больше не было прежней растерянности. Уголки губ скривились в насмешке.

— А-Чэн, это всего лишь история. Судя по твоему виду, неужели ты правда поверил?

— Да?.. — буркнул Му Цинфэн, и в его голосе невольно проскользнула отчаяние. Неужели это действительно всего лишь история?

Улыбка на лице Гу Шаобая, обычно столь мягкого и спокойного, казалась теперь несколько едкой.

— А ты как думаешь?.. Многие истории не заканчиваются счастливо. Родители уходят, друзья прощаются, теряешь любимых... Как луна, которая то полная, то ущербная, это неизбежно происходит. Всё, что я могу сделать, — это спокойно принять это и постараться продлить то счастье, которое ещё в моих силах удержать... Но иногда это действительно очень, очень трудно... И утомительно...

Му Цинфэн слушал, понимая каждое слово, но в то же время словно не понимая ничего. Как может этот молодой человек, выросший в роскоши и комфорте, испытывать такую глубокую печаль?

Может быть, у него действительно есть какие-то неразрешимые проблемы, из-за которых он последовал за ним в одиночку? Что он хочет от него получить?

Му Цинфэн сказал:

— Цзя Фань, может, тебе нужна помощь? Я, конечно, не всемогущ, но у меня есть некоторые возможности...

— А-Чэн, не торопись. Раз уж я помогаю тебе, значит, у меня есть свои цели. Просто пока не время тебе об этом знать.

С этими словами он закрыл глаза и больше не стал обсуждать эту тему.

Сердце действительно болело. Случайные встречи и расставания... Скоро личность Цзя Фаня перестанет существовать, и дни, проведённые вместе, уйдут в прошлое безвозвратно.

Это всего лишь случайное пересечение их жизненных путей, а затем — каждый отправится своей дорогой.

Горы и воды могут снова встретиться, но Цзя Фань и А-Чэн больше никогда не увидятся!

После полудня палящее солнце обжигало землю, а стрекот цикад раздавался то тут, то там.

Гу Шаобай, выпив лекарство, крепко спал, на лбу у него выступила тонкая испарина. Му Цинфэн тоже дремал, прислонившись к стойке кровати.

Внезапно он резко поднялся, устремив взгляд на дверь.

Вскоре Ли Чжишань поспешными шагами вошёл в комнату.

Му Цинфэн потер глаза, зевнул и с лёгкой улыбкой сказал:

— В чём дело, старик? Я ведь уже дал тебе деньги. Зачем ты так всполошился?

Ли Чжишань торопливо ответил:

— Бегите! Только что мальчишка с улицы вернулся и сказал, что мой негодяй сын с шайкой людей, держа в руках два портрета, ходит по домам и ищет. Они уже почти здесь! Мальчишка сказал, что на портретах изображены вы двое!

Му Цинфэн сразу понял: это Гэ Чуньхуэй заставил людей из Крепости Феникса нарисовать портреты и узнать его. Он пока не осмеливается открыто арестовать их, поэтому действует тайно.

Неужели он решил порвать с двором?

Му Цинфэн, видя, что Ли Чжишань действительно обеспокоен, с улыбкой спросил:

— Старик, ты так уверен, что мы не плохие люди? Почему ты нам помогаешь?

Ли Чжишань вздохнул:

— Я прожил шестьдесят лет. Если бы я не мог отличить хороших от плохих, то зря прожил бы жизнь... Вы, бегите!

Гу Шаобай, разбуженный их разговором, с трудом дышал и пока не понимал, что происходит.

Му Цинфэн помог ему встать, накинул на него светло-зелёный халат.

— Милый, обувайся, пора бежать!

Гу Шаобай, услышав это «милый», чуть не закатил глаза, но всё же обулся и, всё ещё сонный, сел, не понимая, зачем им нужно бежать.

Кто их хочет схватить? Люди из Крепости Феникса? Не может быть, разве бандиты осмелятся спуститься с гор среди бела дня? Это же безумие!

Или они настолько обнищали, что без этого заложника им придётся продавать штаны?

Му Цинфэн подбежал к окну, громко свистнул и быстро собрал вещи в небольшой узелок.

Он одной рукой взял узелок, а другой подхватил Гу Шаобая, всё ещё размышляющего о причинах побега. Видя его растерянность, он чуть не ударил его, но передумал: вдруг голова у него тоже мягкая!

Ли Чжишань провёл их к задним воротам двора.

— Выйдете из переулочка, поверните налево и идите прямо — это дорога из города. Только боюсь, что на выезде тоже будут искать вас.

Му Цинфэн остановился у порога, размышляя. У городских ворот наверняка будут проверять людей. Ему самому ничего не стоило бы прорваться, но Гу Шаобай, не умеющий ни капли боевых искусств, к тому же только что оправившийся от болезни, даже если побежит, не сможет быстро двигаться.

— Старик, кроме главной дороги, есть ещё пути?

Ли Чжишань ответил:

— Есть ещё водный путь, который тоже ведёт за город...

Му Цинфэн, следуя описанию Ли Чжишаня, быстро довёл Гу Шаобая до реки. Две горы сжимали реку, её русло было широким, но течение не сильным.

— Тьфу! Вид просто великолепен, — Гу Шаобай даже успел полюбоваться пейзажем.

В тени деревьев у пристани стояла старая маленькая лодка с чёрным навесом. На лодке лежал человек, одна нога закинута на колено другой, шляпа прикрывала лицо, а он напевал мелодию, постукивая носком ботинка.

Му Цинфэн легко прыгнул на лодку и пнул лодочника ногой.

Лодочник снял шляпу, сел и, увидев клиента, сразу заулыбался.

— Господин, вам переправиться?

Му Цинфэн кивнул, вытащил серебряный билет и легко бросил его.

— Быстрее, выходим из города!

Лодочник, обрадованный билетом, наклонился, чтобы взять шест.

Му Цинфэн же протянул руку и помог Гу Шаобаю спуститься в лодку, и они вместе зашли под навес.

Лодка, слегка покачиваясь, описала полукруг и быстро поплыла вниз по реке, покидая тени деревьев.

Му Цинфэн и Гу Шаобай сидели друг напротив друга.

— Скажи... А-Чэн, — Гу Шаобай сглотнул, чувствуя, что это имя звучит странно. — Ты богат?

— А? — Му Цинфэн явно не понял.

— Твоих серебряных билетов так много!

— Когда он обвинял меня, использовал целую пачку билетов, нанял лодку — бросил билет, а когда платил Ли Чжишаню за лекарство и жильё, тоже использовал билеты. Князь есть князь, богатства у него несметные, бросает билеты, как бумагу. Подумав о себе, он вздохнул: ещё есть Цзи Цзяньчэнь, который смотрит на него, как на лёгкую добычу.

В ушах звучал плеск воды, чистый и спокойный. Зелёные горы и белые облака, близкие и далёкие, создавали красивую картину.

Му Цинфэн положил руки на колени и выглядел расслабленным.

Но Гу Шаобай понимал, что эта расслабленность была лишь видимостью.

Он пристально смотрел на воду, рассекаемую носом лодки. Его глаза, казалось, любовались пейзажем, но слегка прищуренные, с прямыми чёрными ресницами, они скрывали острый блеск.

Он сидел неподвижно, спина слегка сгорблена, пальцы скрещены, суставы напряжены, кончики пальцев побелели.

Гу Шаобай, видя его напряжённое состояние, словно он был на грани сражения, задумался: какую же задачу он выполняет, отправляясь в этот путь...

Те люди явно охотились за ним, а он, заложник, не был так уж ценен. Наконец, его голова прояснилась...

Внезапно рука Му Цинфэна схватила его руку, лежащую на колене, и очень мягко сказала:

— Милый, не бойся, я защищу тебя.

Гу Шаобай с отвращением скривил губы.

— Что ты натворил? Разрыл чьи-то могилы или увёл чужую жену, что тебя так преследуют... Если со мной что-то случится, ты ведь помнишь, что обещал мне?

Му Цинфэн слегка удивился.

— Что я обещал?

Гу Шаобай моргнул.

— Не беспокойся, перед смертью я обязательно скажу... Если ты не выполнишь, я не перерожусь, а стану блуждающим духом и буду каждый день приходить к тебе...

Му Цинфэн вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вздрогнул и прервал Гу Шаобая.

— Хорошо, хорошо, я выполню, но...

Он подвинулся, сел рядом с ним, обнял за плечи.

— Я не боюсь, что ты станешь духом, я просто... — Он наклонился и прошептал ему на ухо. — Защищай себя...

В ладони Гу Шаобая что-то холодное. Он посмотрел вниз и увидел простой, без украшений, кинжал в ножнах. Он не успел рассмотреть его, как хотел спросить.

Но рука Му Цинфэна вдруг сжала его сильнее, а кончик языка быстро коснулся его уха.

<http://bllate.org/book/16730/1538697>